

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Валерий Ковалев

Русская рулетка

Валерий Ковалев
Русская рулетка

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ковалев В. Н.

Русская рулетка / В. Н. Ковалев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Лихие 90-е. В России разруха, война и разгул организованной преступности. Обычные меры борьбы с нею результатов не дают, власть принимает особые. Из сотрудников ФСБ и МВД создается специальное подразделение для уничтожения бандитских группировок в столице и за ее пределами. После ликвидации основных, часть бывших спецназовцев организует детективное агентство, продолжая выявлять и уничтожать преступный элемент, а затем возвращается на службу во внешнюю разведку. Специальные операции, формы и методы, боевые столкновения (основано на реальных фактах). Содержит нецензурную брань.

Валерий Ковалев

Русская рулетка

И две тысячи лет – война, война без особых причин.
Война – дело молодых, лекарство против морщин.
Красная, красная кровь – через час уже просто земля,
Через два на ней цветы и трава, через три она снова
жива
И согрета лучами Звезды по имени Солнце.
Виктор Цой.

Глава 1. Заместитель и министр

В кабинете, откуда открывался вид на Лубянскую площадь, блестящую асфальтом после недавнего дождя, сидели на мягких стульях, беседуя, два человека. Один, лет пятидесяти, в штатском, рослый и седой, другой чуть старше и ниже, в общевойсковом мундире генерала армии.

– Таким образом, Николай Дмитриевич, – взглянул на собеседника военный, – за истекшее время мы совместно отработали в Москве двенадцать организованных преступных группировок. Часть их лидеров и бойцов уничтожены в ходе проведенных операций, сорок три задержаны и по окончательным расследованиям делам, осуждены судом к реальным срокам наказания. Кроме того, ликвидированы еще семнадцать, ОПГ* на территории России и активно ведутся разработки остальных.

– Ну что же, Виктор Федорович – со вниманием выслушал собеседника, человек в штатском. – Вам есть о чем докладывать Президенту.

– Не без вашей помощи, – согласно кивнул тот.

Оба знали друг друга достаточно давно, пересекаясь по службе, и в определенной мере доверяли, что случалось меж их ведомствами, редко. «Рожденная революцией»* и Железным Феликсом, постоянно конкурировали перед вождями, нередко вступая в тайное противостояние.

А еще оба не любили Запад и пришедших к власти либералов, составивших президентское окружение.

Закончив разговор, мужчины распрощались, и генерал, взяв со стола тисненой кожи папку, мягко ступая по ковру ботинками, направился к двери. Когда она бесшумно закрылась, человек в штатском, встав, подошел к окну и, заложив руки за спину, окинул взглядом площадь. Такую же, как раньше, с несколькими рядами катящих цугом автомобилей, но без памятника Дзержинскому. Вместо него, у Политехнического музея темнел Соловецкий камень, водруженный в память о жертвах Сталинских репрессий.

Он вспомнил, как в августе девяносто первого, ночью, под вой и улюлюканье толпы, монумент создателя ЧК, уцепив за шею тросом, словно висельника, автокран грузил на подогнанную платформу. Затем вся эта свора, вознамерилась взять штурмом здание КГБ СССР, в котором забаррикадировались сотрудники, но не хватило смелости. Одно дело сражаться с памятниками и совсем другое с вооруженными людьми.

Спустя год многие прозрели, в том числе кто был на площади, но оказалось поздно. Великой Страны больше не было. От нее остались разорванные в клочья территории, с катастрофически нищавшим населением. Зато торжествовали победу демократы, выступая с высоких трибун и обещая одуроченному народу золотые горы.

– Да, – вздохнул человек у окна. – Пришло их время. А потом вспомнил одну из любимых книг «Эру милосердия», о которой так мечтали. Зря надеялись.

Являясь заместителем директора Федеральной Службы Безопасности, созданной на обломках КГБ, он, помимо прочего, курировал Министерство внутренних дел, организуя там агентурную работу. Год назад, вместе с директором (третьим по счету за четыре года) был вызван в Кремль, на аудиенцию с президентом, озабоченным разгулом преступности в стране, принявшей небывалые масштабы.

– Нужно, папаш, с этим делом кончать, – сказал в беседе гарант, недовольно сопя носом. – Среди белого дня, в центре Москвы, взрывают машины уважаемых людей, убивают журналистов с телеведущими, грабят квартиры народных артистов. Это ни в какие ворота не лезет. Так что подключитесь к МВД и помогите всем, чем можно (сурово уставился на чекистов).

– Понял вас, – изобразив решительность на лице, встал директор. – Разрешите выполнять?

– Валяйте, – пробасил гарант, потянувшись за стоящей рядом, запотевшей бутылкой минералки.

Приглашенные, покинув кабинет, спустились вниз, прошли по ковровой дорожке мимо охраны в штатском, и вскоре черный лимузин директора выкатился из ворот Спасской башни. Вернувшись на Лубянку, приступили к исполнению. Точнее приступил заместитель.

В отличие от своего шефа, бывшего коменданта Кремля, разбиравшегося в оперативной работе как свинья в апельсинах, он являлся профессионалом, глубоко знавшим это дело. А еще прошел Афганистан, возглавляя там группу стратегической разведки КГБ, выполнявшую особые задания.

Для начала, оговорив с министром Внутренних Дел вопросы взаимодействия, создал в аппарате новое подразделение из сотрудников, бывавших в «горячих точках»*, определив задачи, после чего началась активная работа. И вот теперь, в очередной раз, они с министром обсудили результаты.

Выйдя из здания Лубянки и усевшись в ждавший у подъезда служебный «мерседес» с мигалкой, генерал армии бросил водителю, – на Житную.

Тот вырулил из обширного внутреннего двора (охрана, вытянувшись, козырнула), сделал поворот направо и влился в поток двигавшихся по площади автомобилей.

Как и заместитель директора, министр был оперативник до мозга костей, пройдя все ступени милицейской иерархии. В советское время руководил арестами членов ГКЧП*, пытавшихся совершить государственный переворот, внутренними войсками в Чеченской войне, а после блокированием и штурмом Верховного Совета.

По натуре генерал был жестким человеком и в вопросах борьбы с преступностью стоял на позициях маршала Жукова, когда в послевоенной Одессе, тот посредством войсковой операции, ликвидировал все банды.

Ряд историков с журналистами, считали, это легендой, а министр знал точно, поскольку был лично знаком с одним из участников той, операции, ветераном милиции, подполковником Давидом Курляндом. Тогда он служил в Одесском уголовном розыске и лично свидетельствовал, что все то, правда. Имелись на этот счет и засекреченные архивные дела, ждавшие своего часа.

За тонированными стеклами автомобиля проплывал центр столицы, с многочисленными торговыми рядами, разнокалиберными палатками и вывесками коммерческих ресторанов, на русском с английским. «Макдоналдс» – прочел министр одну и гадливо поморщился.

Приехав к себе в министерство, он поднялся лифтом на второй этаж, прошел по ковровой дорожке длинного коридора в приемную, бросив вытянувшемуся адъютанту, – чаю, а оттуда в свой обширный, современного интерьера кабинет. Там, определив на вешалку фуражку с

золотым шитьем, глядя в зеркало пригладил короткие волосы и вскоре сидел за рабочим столом, просматривая аналитический отчет.

Тот был за текущий месяц. Организованная преступность по – прежнему оставалась высокой, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, но в Центральном федеральном округе и Москве, отметилась тенденция к снижению.

Глава 2. Орлов

– Раньше прыгал?

– Да!

– Пошел!

Толчок в спину, рывок, и он завис в воздухе. Мимо, вращаясь вокруг оси, стремительно пролетел падающий вертолет. Несколько секунд – и машина, ударившись о землю, раскололась на куски.

Перед ним выпрыгнула девушка, ее купол виднелся ниже. Сверху кто-то начал палить короткими очередями. В кого это? Так, увидел, – в духов*. Они тоже стреляют. Куда? Черт, да в нас же! Где мой коротыш?*

Рядом свистели пули, он никак не мог изготавиться к стрельбе, поскольку высокие тополя возле какого-то кишлака скрыли обзор из виду.

Упал на бок вблизи разбитой машины. Следом приземлился труп, в кармашке нагрудного подсумка, запасной магазин. Вынул и рванул к вертолету. С другой его стороны, как и ожидал, стояла та, что выпрыгнула первой. Она находилась в трансе, экипаж и оставшиеся в вертолете пассажиры, были мертвы.

– Беги, спрячься куда-нибудь, сюда идут духи!

– Нас, сбили?

– Похоже на то.

– А почему второй борт не улетает?

– Думаю, вызывает «крокодилов»*

– Он что, не может сесть и забрать нас?

– Если собьют и его, не заберет никто. Нас просто не найдут. Некому будет наводить подмогу.

– У меня в штабе друг, он полковник.

– Это ты духам расскажешь. Короче, прячься, а я увожу их в горы. Пока буду отбиваться, возможно, за нами прилетят

– Я с вами.

– Послушай, в туфлях ты далеко не уйдешь, а босой тем более. Даже если найдут, убивать не станут. Ты для них живой товар. К тому же что блондинка и молодая.

– Я буду жаловаться в политотдел армии...

– Да хоть богу.

Уцепил ее за шиворот и потащил внутрь корпуса, в обломки, к трупам экипажа.

– Сиди тихо, может, я за тобой и зайду.

Но в горы он сразу не пошел. Обыскав мертвых, нашел гранату и метнулся в сторону кишлака. Как и ожидал, духи шли толпой, не рассредоточившись, уверенные, серьезного сопротивления не будет.

К этим дехканам у него не было ничего личного. Но кто ж виноват, что у них в кишлаке не было футбольного поля, бани или кино и они развлекались тем, что сбивали вертолеты, а с живых неверных спускали шкуры или отрезали головы.

Шедшие к машине совершили две грубые ошибки. Не убили его, когда был в воздухе. Понятно – анаша. И сейчас двигались толпой. Снова анаша. За ошибки придется платить кровью. Он уже третий год здесь и многому научился.

Щелкнув затвором, слился камуфляжем с местностью. Подождал когда подошли ближе, выдернув кольцо, отпустил чеку и через две секунды, швырнул «феньку» прямо в середину толпы. А когда гулко ахнул взрыв, всадил туда несколько очередей и рванул в горы.

Отыскав на скале удобное для стрельбы место, приготовился встретить оставшихся. Осторожности у тех прибавилось: шли цепью, припадая к земле и прячась за камнями. И тут он почувствовал ветер. Оглянувшись, увидел – «крокодил». Зависнув вверху, он пустил серию НУРСов*. Ослепительный свет, сатанинский вой, кверху полетели куски тел и одежды.

Второй совершил боевой разворот, а из кабины первого на него смотрел летчик. Затем помахал рукой, чтобы следовал за машиной. Приземлился возле обломков сбитого.

Вниз спасенный, неся как на крыльях. Когда добежал, десантники, загрузившие всех погибших ждали.

– А где девушка?

– Какая?

– Живая!

– Не наблюдали.

Бросился к останкам вертолета и заглянул внутрь. Никого, лишь покореженный металл да запах крови. Обежал вокруг и увидел ее под обломками машины. Схватил за руку, потащил за собой, ругаясь матом.

– Так это ты включила радиомаяк? – спросил стрелок-радист с «крокодила».

– Да, я.

– Не ругай свою бабу старлей. Она спасла тебе жизнь.

– Да не моя она! – хотел крикнуть и осекся. Раз включила радиомаяк, то и навела вертолеты.

– Как тебя зовут? – отпустил руку.

– Нина. Мне двадцать три, я связистка...

Длинно затрещал звонок, Орлов, открыл глаза и нажал кнопку будильника на прикроватной тумбе.

После возвращения из Афганистана сон иногда всплывал в памяти. Возможно оттого, что долг так и остался неоплаченным (Нину больше не встречал), а может еще почему – сознание, материя непонятная.

Со стены напротив смотрела фотография – человек в гимнастерке, с тремя шпалами в петлицах, знаком «Почетный чекист» и двумя орденами «Красного знамени» на груди. То был дед, умерший чуть больше года назад и воспитавших его вместо родителей. Когда внуку исполнилось пять лет, отец – военный летчик, разбился на учениях, а мать вскоре вышла за другого.

– Алешку я вам не отдам, – сказал тогда дед. – Подниму сам. Возражений не последовало.

Затем мать с отчимом переехали в Тулу (он был инженером на режимном заводе), а мальчик остался с дедом. Тот уже был в отставке и вплотную занялся воспитанием чада. По утрам оба делали зарядку, далее следовало обливание холодной водой, а после завтрака, состоявшего из молочной каши, бутерброда с колбасой и горячего чая, Иван Ильич (так звали деда), отводил внука в детский сад.

Вечером забирал, и они гуляли в Нескучном саду, среди памятников и деревьев. Дома же часто рассказывал Алешке о своей службе, а по выходным оба навещали музей революции, цирк на Цветном бульваре и планетарий. А когда мальчишке пришло время идти в школу дед отдал его в Суворовское училище.

– Настоящий мужчина должен быть офицером и защищать Родину, запомни это, – сказал внуку.

И тот запомнил.

Учился молодой Орлов прилежно, был на хорошем счету, а еще увлекся боксом. Звезд с неба не хватал, но к выпуску имел первый разряд и отменное здоровье.

– Ну, куда думаешь теперь? – поинтересовался Иван Ильич при очередной встрече.

«Юноше, обдумывающему жите,
Решающему, делать жизнь с кого,
Скажу, не задумываясь -
Делай ее с товарища Дзержинского!»

продекламировал кадет* строки Маяковского.

– Не ошибся я в тебе, Алексей, – повлажнел глазами дед. – Выбор, прямо скажу, достойный.

При его участии внук получил направление для поступления в Высшую школу КГБ имени Дзержинского, сдал экзамены и был зачислен на факультет военной контрразведки. Закончив его, подал рапорт начальству о распределении в Афганистан. Иван Ильич это решение не одобрил.

– Зря мы туда влезли, – сказал внуку, глядя на того выцветшими глазами. – Это политика, причем не самая умная.

– Нас учили, что интернациональный долг, – не согласился Алексей, – братскому, народу.

– Мы никому ничего не должны, – вздохнул старый чекист. – Но коль подал, отступить поздно.

Через неделю был выпуск новоиспеченных лейтенантов, на который пригласили родителей – дед был при полном параде, и по такому случаю приехали мать с мужем, которые их изредка навещали; прощальный ужин в одном из московских ресторанов, отпуск и перелет в Кабул на военно – транспортом самолете, с еще несколькими выпускниками.

В Особом отделе 40-й армии их распределили по воинским частям, а Алексея направили в Баграм, определив в подразделение разведки КГБ, поскольку знал пушту*, отлично стрелял и стал кандидатом в мастера по самбо. Участвуя в различного рода операциях, он получил ранение, а еще орден «Красной Звезды» и медаль «За отвагу», которыми гордился.

Потом был отозван в Союз, продолжив службу в Особом отделе Таманской дивизии под Москвой, старшим оперуполномоченным. Вскоре КГБ реорганизовали в ФСБ, и, обновляя кадровый состав стали набирать сотрудников с мест. Так Орлов попал в центральный аппарат, где встретился с бывшим командиром, а ныне заместителем директора, который назначил его руководить новым подразделением.

– Доброе утро, Иван Ильич, – взглянул на фото Алексей, встав с кровати, сунул ноги в тапки и прошел в зал, а оттуда на лоджию. Она была просторной и незастекленной. Вдыхая свежий воздух со двора, засаженного деревьями, потянулся, снял висевший на стене пружинный эспандер и сделал десяток махов на выпуклой груди. Повесил, взял стоявший на полу двойник* выполнил несколько жимов, а затем подбросов вверх с переворотом, в завершение им же перекрестился.

– Хорошо! – бухнул на место и, заправив постель в спальню, направился в ванную. Там, постояв под колючим душем, почистил зубы, растерся махровым полотенцем и зажужжал бритвой. В завершение, налив в ладонь чуть одеколона, похлопал ею по щекам и довольно крикнул.

После моциона занялся завтраком. Включив газ на кухне, наполнил из крана чайник, поставив на горящую конфорку. На вторую определил сковородку, на которой поджарил в масле нарезанную кубиками «докторскую» и сбил пару яиц, тряхнув над ними пару раз из

солонки. На застеленный клеенкой стол, поставил хлебницу и банку меда. Когда чайник засвистел, а глазунья была готова, с аппетитом очистил тарелку.

Убрав со стола и вымыв посуду, достал из шкафа свежую сорочку и, сняв с плечиков расхожий костюм, оделся, а спустя десять минут выехал со двора на белой «шестерке». Ее подарил внуку дед, когда тот вернулся из Афгана, откладывая со своей пенсии.

Утро выдалось погожим, в воздухе серебрилась паутина, с деревьев, кружась, осыпались листья.

Глава 3. Две встречи

– Так значит, говоришь, – стрелку*они забили на завтра? – щелкнул Левитин зажигалкой.

– Ну да, сороковой километр МКАД. На территории старой промзоны, у башни, ровно в восемнадцать, – подтвердил Кукушкин. Разговор шел на конспиративной квартире.

– И кто будет от вас?

– Колигов, с ним два быка* и я, в качестве водилы.

– А от коптевских?

– Их новый лидер с охраной.

– Что будут перетирать?*

– Возможность перемирия.

– Интересная информация, – выдул вверх, струйку дыма Левитин.

Он был майор, начальник отделения МУРа, а старший лейтенант Кукушкин – оперативник, пару месяцев назад внедренный в преступную группировку, именуемую по спец учетам «Курганской». Легенду ему придумали убедительную.

Мол, был прапорщиком и воевал в армейском спецназе в Чечне, где по пьянке избив командира, сбежал из части. Ну а затем приехал в столицу желая подзаработать криминалом. Почти все было правдой. Только спецназ был милицейский и никуда Кукушкин не сбежал (был там в служебной командировке).

Название банда получила от города, в котором появилась, а основателями стали бывший армейский лейтенант Колигов, выпускники Института физкультуры Нелюбин с Игнатовым и бывший милиционер Солоник. Вначале они работали могильщиками на одном из городских кладбищ, а по ночам, «без отрыва от производства», занимались разбоями и грабежами.

Затем подтянули к себе еще дюжину спортивных ребят, расширив сферу деятельности, для чего угрохали в стиле Дикого Запада, нескольких местных авторитетов. Подконтрольные тем фирмы, банковские организации, рынки, а также игорные дома, перешли к новой «крыше»*.

В начале 90-х, накопив начальный капитал и изрядно ограбив местных бизнесменов, курганские полным составом перебрались в Москву. Потеснив местных «братков» и несколько проредив их ряды, заняли свое место под солнцем и стали активно окучивать столицу, занявшись рэкетом с грабежами, разбоями и похищением людей.

В ОПГ*, насчитывающей более сотни бойцов, была почти военная дисциплина. Невыполнение приказов каралось вплоть до лишения жизни, а вступающим доверяли только после совершения убийства. Кукушкин тоже прошел проверку кровью, завалив в разборках двух гольяновских, и по этому поводу не переживал, делая подобное с вахабитами* на Кавказе.

– Ну что же, Виктор, завтра будь готов, – затушил майор в пепельнице окурков. – В том месте устроим засаду. Твоя задача, как только начнется стрельба, упасть, заползти под машину и лежать смирно.

– Ясно, – ответил оперативник.

Начальник проводил его в прихожую и поглядев в дверной глазок, выпустил наружу. А когда загудел лифт, вернувшись в комнату, достал из кармана мобильник.

- На связи, – ответил знакомый голос.
- У меня к тебе срочное дело, нужно пошептаться
- Жду. Я на месте.

Высыпав окурки в унитаз, и спустив воду, Левитин вышел на лестничную площадку, запер дверь квартиры, и вскоре от подъезда дома отъехал синий «Форд».

Спустя десять минут, майор сидел в кабинете Орлова, сообщив, что передал Кукушкин. По этой ОПГ* они работали уже два года и добились определенных подвижек.

В результате запущенной через агентуру дезинформации, а также ряда комбинаций, она вошла в конфликт с бауманскими, разразилась междоусобная война. Используя наемного убийцу, курганские поочередно отстреляли их лидеров – Глобуса, Рэмбо и Бобона, что не понравилось главарю ореховских, Сильвестру. Тот захотел поставить беспредельщиков на место, за что был взорван на Тверской-Ямской, в собственном «Мерседесе».

Ответ не заставил ждать, – на Нелюбина совершили покушение, а курганских стали валить на улицах, во дворах и подъездах. По Москве поползли слухи о «Белой стреле» – специальном подразделении силовиков, карающих бандитов без суда и следствия.

В этом была доля правды, поскольку чекисты в связке с МУРОм, имели негласное указание, при их задержании особо не церемониться.

– Серьезная информация, будем брать, – выслушав подробности, сказал Орлов, оговорили детали. Это была не первая совместная операция, оба притерлись друг к другу и, можно, сказать, дружили.

Будучи холостыми (Ливитин развелся, а Орлов пока не нашел подругу жизни), вне службы не раз встречались «за рюмкой чая», вместе болели за московское «Динамо» и посещали его матчи.

- Ну а твоего сотрудника, Сергей, придется выводить, – завершил беседу Орлов.
- Это само-собой, – кивнул Ливитин. – Проведем его по суточной сводке как убитого братка, а затем отправим в командировку на Кавказ.
- Из огня да в полымя?
- Обижаешь, – чуть улыбнулся майор. – Поедет в Дагестан, в плане обмена опытом. – Ну, так я пошел?

– Давай, завтра встретимся.

Когда Левитин покинул кабинет, Орлов снял трубку внутренней связи. Через несколько минут к нему зашел рослый парень в модном костюме и при галстуке.

– Присаживайся, – кивнул на стул начальник.

Майор Олег Гуляев был его заместителем. В прошлом боевой пловец, он закончил ВКШ* на несколько лет позже и имел боевой опыт в Анголе.

- Ребята еще в Балашихе? – поинтересовался начальник.
- Ну да, отрабатываются на полигоне. А я готовлю отчет, как вы приказали.
- Срочно отзывает, отчет в сейф, будем готовить операцию.
- Понял, – оживился майор и вышел из кабинета.

Заместителем Орлов был доволен. Тот понимал все с полуслова, инициативу проявлял в меру и не терялся в сложных ситуациях.

Оперативники в отделе тоже были на уровне – два снайпера, три бойца, переведенных из «Альфы», остальные из «Вымпела», все тоже бывали в «горячих точках». Подразделение входило в состав департамента контрразведки, но напрямую подчинялось директору.

Наиболее сложные операции проводились с его ведома, при необходимости к ним подключался спецназ милиции. Спустя еще час, переодевшись в гражданку, отдел в полном составе сидел у Орлова.

– Значит так (обвел всех глазами). Слушать меня внимательно.

Глава 4. На стрелке

«Призрачно все в этом мире бушующем,
Есть только миг – за него и держись,
Есть только миг между прошлым и будущим,
Именно он называется жизнь.

Вечный покой сердце, вряд ли обрадует,
Вечный покой для седых пирамид,
А для звезды, что сорвалась и падает,
Есть только миг – ослепительный миг...»

наполнял салон, мягко льющийся из магнитолы, голос Олега Анофриева*.

Черный «Гранд-Чероки» уверенно пожирал километры, в салоне сидели четверо: за рулем Кукушкин, рядом двойник Колигова, на заднем сидении пара крепких парней, с упрятыми под куртки десантными автоматами.

– Вот же гад, – думал водитель о настоящем главаре. – Послал вместо себя подсадного. Не иначе чего учуял.

Двойник появился несколько месяцев назад, когда обстановка стала накаляться. Поговаривали, что это брат авторитета, но точно никто не знал. А спрашивать опасались.

Сбросив скорость у нужного указателя, автомобиль свернул с МКАД и запрыгал по колдобинам.

– Тише рули, – пробурчал сзади один из бойцов по кличке «Тунгус», – у меня мозги вылетят.

– Как может вылететь – чего нет? – толкнул его в бок второй, и все дружно загоготали.

Вскоре впереди показалась заброшенная промзона, с торчащей в середине башней.

– Так, теперь внимание, – дакнул клавишу магнитолы двойник, в салоне возник шум двигателя. Миновав ряд недостроенных цехов, внедорожник подъехал к башне и остановился рядом, на небольшой площадке. Смеркалось. В другом ее конце, блеснул никелем «БМВ», из которого нарисовались четверо.

– Выходим, – сказал двойник (сзади клацнули затворы), все выбрались из машины.

Помахивая рукой и держа вторую в кармане, он вразвалку пошагал вперед – навстречу двинулся главарь коптевских. Охрана сторон, в готовности, осталась у автомобилей. Когда расстояние между идущими сократилось до десятка метров, шелкнул выстрел, и главаря коптевских, с дыркой во лбу, отбросило назад.

– С-суки! – завопил один из его бойцов, хлестнув по курганским из автомата. Тунгус с воплем упал, остальные ответили огнем, а потом кто-то метнул гранату. Воздух кольхнул взрыв, провизжали осколки, свалились еще двое. Оставшихся добила очередь с крыши.

Тишина, кисловатая вонь тротила. На бетоне площадки, в разных местах, подплывали кровью тела бандитов, еще один свесился из передней, открытой двери автомобиля. Затем, словно призраки, из тени появились люди в балаклавах* и камуфляже, держа навскидку автоматы. Бесшумно ступая берцами, осмотрели тела.

– Все чисто, командир! – обернулся назад Гуляев. – Шестеро двухсотых*, один раненый. Без сознания, но дышит.

– Добро. Орлов с Левитиным, подошли к внедорожнику.

– Виктор, ты живой? – присел на корточки майор.

– Вроде того, – глухо донеслось из-под днища, и наружу, с зажатым «ТТ» в руке, выбрался Кукушкин.

– Я ж сказал тебе, лежать и не дергаться.

– Так я и лежал (отряхнул тот колени). Правда, высадил по коптевским одну обойму. Кстати, докладываю, Колигов на эту стрелку не поехал.

– Как так? – выпучили глаза начальники. – Он же среди убитых!

– То двойник.

– Ни хрена себе (переглянулись), а затем прошли к телу, наклонились и осмотрели еще раз. Сходство было поразительным.

– Да, он оказался хитрее, чем мы думали, – хмыкнул полковник.

– Ну что, Алексей, я вызываю следователей? – взглянул на него Левитин.

Тот молча кивнул.

– Второй, второй, я первый, – поднес муровец к губам рацию.

– Первый – я второй, на связи (донеслось сквозь треск ответно).

– Давай на место, прихвати скорую и труповозку.

– Вас понял, исполняю.

Чуть позже, на кольцевую вырулил микроавтобус с тонированными стеклами, взяв курс на столицу.

Когда проехали десяток километров, навстречу, воя сиреной, пронесся милицейский «Форд» с включенной мигалкой, а за ним скорая помощь.

– Быстро они, – сказал кто-то в полумраке салона.

Мягко покачиваясь на сидении, рядом с водителем, подполковник курил сигарету.

Операция, можно сказать, прошла успешно. Новый (седьмой по счету), лидер коптевских приказал долго жить, а курганские, после того, что случилось, постараются им отомстить, что силовикам на руку. Колигова же «со товарищи», они все равно достанут, вопрос времени.

Бандитов, или как те называли себя, «братков», Орлов хронически ненавидел. Когда служил в Афгане, вычисляя караваны с оружием и устраивая на них засады, он понимал душманов. Те сражались за свою землю, уклад жизни и Аллаха.

Эти же «без бога в голове» и для них нет ничего святого, кроме наживы. Причем самыми жестокими средствами – похищением людей, пытками и смертью. Ему припомнился случай годичной давности, когда они захватывали банду отморожков. Та была немногочисленной, но дерзкой и жестокой. Имела на счету убийство полицейского, занималась рэкетом.

Выкрав у московского банкира малолетнюю дочь, держала ее на даче в Балашихе, вымогая у отца крупную сумму в долларах. А чтобы он был сговорчивее, прислали бандеролью отрезанный палец. Жена с инфарктом оказалась в больнице, супруг за ночь поседел, но нашел в себе смелость обратиться в органы.

Путем оперативной комбинации то место установили, дом окружили и бандитам предложили сдаться. Когда же те отказались, пошли на штурм, потеряв лейтенанта Гену Маркина. Рэкетиров положили всех, включая главаря, но девочку не спасли. Бандиты закололи ее финкой.

– Чего молчишь, Алексей Иванович? – прервал размышления Орлова Левитин, сидевший между ним и водителем.

– Вспоминаю, как брали банду Черепа, – смял тот в пепельнице окурки.

– Лучше не вспоминай, крыша поедет. – Ты вот, раньше отправлял на небеса духов*, да ловил шпионов, а я всю жизнь в этом. Кстати, эта тварь, была не самая жестокая. Есть похлеще.

Взять тех же курганских. У них, чтобы войти в доверие, нужно убить кого-либо из друзей. Моему Кукушкину в этом плане повезло. У него, как у «приезжего», в Москве таких не оказалось, обошелся двумя гольяновскими.

Между тем, в салоне, настроение было более мажорным. Старший опер, Вася Нечай, рассказывал анекдот, остальные внимали.

– Было, значит, это, в СССР, при Андропове (пучил черные глаза). Поступает в ОБХСС* заявление бдительных граждан на старика-соседа. Мол, живет не по средствам. Каждый день

ужинает в «Арагви», летом ездит на курорт в Крым, а зимой в Юрмалу – просим проверить. Начальник вызывает опера, поручает это дело. Вечером тот идет в «Арагви», все точно. За одним из столиков сидит объект, пьет армянский коньяк, закусывает балыком и черной икрой.

– Разрешите? – подсаживается к нему опер.

– Будьте любезны.

– Тот достает ксиву* – я из обэхээс. На какие деньги гуляем?

– Я заключаю пари и всегда выигрываю, – отвечает дед (мент сомневается).

– Ну что же давайте проверим. Спорим, на сотню, укушу свой глаз?

– По рукам, – кивает собеседник

Дед вынимает у себя один глаз (тот оказался стеклянный), кусает и вставляет на место.

– Ну, хорошо, – отдает сотню опер. – Это все?

– Почему? Могу укусить и второй. Спорим еще на сотню?

«Ну, это ты заливаешь, – думает мент. Ведь не слепой» И вслух, – спорим!

Дед, вынув вставную челюсть, кусает второй глаз (тот в транс).

– Здорово, – отдает деньги. – А что еще можешь?

– Написать тебе в ладонь, и будет пахнуть «Шипром».

– Врешь!

– Точно.

Короче, спорят еще и идут в мужской туалет, где старик делает «пи-пи» куда следует.

– Что-то «Шипром» не пахнет (нюхает опер).

– Извини, сынок, фокус не удался. Держи сотню.

В салоне грохнул смех, анекдот понравился.

– А вот еще один, – сказал в прошлом боевой пловец, Миша Шутов. – Заходит военный моряк после возвращения из похода в бордель. Снимает девицу, поднимаются в номер, она спрашивает, – где дорогой служишь?

– На атомной подводной лодке.

– Так у вас же там радиация и все импотенты!

– Насчет импотенции брехня, – отвечает тот. – Нам выдают свинцовые трусы, они предохраняют. Потом раздеваются, ложатся на кровать и трахаются. А когда кончают, она глядит – у моряка на ногах нет пальцев

– А это что? – делает круглые глаза.

– Да понимаешь, на моих как-то резинка оборвалась.

Позади снова захохотали, а Левитин с Орловым переглянулись, – веселые у нас ребята.

На въезде в столицу начался дождь, перешедший в ливень. Дворники на лобовом стекле щелкали вверх-вниз, за окнами плыли ряды автомобилей и жилые массивы. Когда въехали на Лубянскую площадь, ливень прекратился, ярче засветились фонари и неоновые рекламы. Обогнув здание ФСБ с правой стороны, автобус свернул в Фуркасовский переулок, где, въехав под арку старинного дома, остановился перед глухими воротами. Металлические створки беззвучно отворились.

В утренних новостях сообщили, ночью, на юго-западе Москвы, произошла очередная бандитская разборка – обнаружено шесть трупов. По данному факту возбуждено уголовное дело.

Глава 5. Спустя несколько месяцев

За бортом воздушного лайнера размеренно гудели турбины, рядом, в кресле, дремал Боря Рыбаков, Орлов смотрел в иллюминатор. Там, в дальние страны, плыла армада облаков, подсвеченных неярким зимним солнцем. Оба летели в Киев, в служебную командировку.

Рыбаков был снайпером в спецназе ГРУ* в Приднестровье, а затем попал в отделение Орлова. По жизни был смелым и немногословным.

С момента создания «железным Феликсом» ЧК, система не терпела в своих рядах предательства. А когда подобное случалось, расправлялась с оборотнями, жестко и безжалостно. Причем, в любой точке мира, куда те порой сбегали. Двuruшников* расстреливали неизвестные, давили автомобили, поражали смертельные болезни, а некоторые кончали самоубийством. Так было и сейчас – преемственность поколений.

Им надлежало в столице «вильной» Украины, привести к знаменателю очередного. С руководством вопрос был согласован, форма исполнения тоже.

Объект носил фамилию Гусятинский (кличка Гриша Северный). В прошлом старший лейтенант КГБ, в начале 90-х он уволился из системы, организовав в Москве банду, набрав соратников из спортсменов и бывших военных. Для начала окучивали торговые палатки, а затем, расширив сферу влияния, стали крышевать несколько московских рынков, ювелирных компаний и турфирм. Ну а после вошли в Ореховскую ОПГ и между лидерами начались распри. Главарь ореховских – Сильвестр, был подорван в собственном «мерседесе», а над Гусятинским стали сгущаться тучи. Не желая испытывать судьбу, он уехал в Киев, имея намерение там отсидеться.

Спустя полтора часа самолет стал снижаться, на табло зажглись таблички "No smoking". Рыбаков открыл глаза и зевнул, – уже прилетели?

– Похоже, – отозвался Орлов, подняв спинку кресла.

Лайнер, меж тем, зашел на посадку, коснулся шасси взлетной полосы и со свистом понесся по бетону. А когда остановился, к нему подкатил трап, пассажиров пригласили на выход.

Орлов, со спортивной сумкой на плече, спустился первым, Рыбаков, с удлиненным кейсом в руке, следом. На обоих вязаные шапочки без рисунка и темные «аляски»*. У входа в аэровокзал их встретил улыбающийся человек в дубленке, по фамилии Мартыненко.

– Рад видеть московских гостей, – поприветствовал Орлова.

– А я тебя. Это мой сотрудник, знакомься, (представил Рыбакова).

– Борис, – протянул тот руку.

– Виталий, – тряхнул ее киевлянин. – Это весь ваш багаж?

– Весь.

– Тогда идем за мною.

После чего, минуя таможенный контроль, провел обоих через «вип»* зал к выходу в город. Там все уселись в черную «Волгу», и она вырулила со стоянки. Оставив позади Борисполь, машина понеслась вперед, спустя полчаса въехала в столицу и остановилась у одной из гостиниц.

– Выходим, – выключил киевлянин двигатель.

– А снега у вас с гулькин нос, – взглянул по сторонам Орлов. – У нас много больше.

– Затэ мы гарно спиваем, – поднял тот вверх палец.

Номер на двоих был заранее забронирован, вскоре все трое, сняв верхнюю одежду, сидели в нем и беседовали. Мартыненко служил в СБУ Украины, где руководил подразделением по борьбе с коррупцией и организованной преступностью. Они с Орловым нередко пересекались по работе и иногда проводили совместные операции, на что имелось межведомственное соглашение.

Год назад, по ориентировке украинских коллег, ФСБ задержала и передала им лидера одной из Киевских ОПГ, некоего «Рыбку», приехавшего в Москву для установления криминальных связей. А на этот раз, по запросу ФСБ, те вычислили Гусятинского в своей столице.

– Значит так, – закурил сигарету полковник. – Фигурант снимает квартиру на Подоле*, где живет вместе с девицей. Установил связи с нашими бандитами, ведет деловые переговоры.

Далее сообщил режим дня и назвал ресторан, с ночным клубом, которые посещал «Гриша Северный».

– Будете его брать, или? – выдул вверх тонкую струйку дыма.

– Или, – ответил Орлов.

– Понял. Самое удобное место, квартира. Отлично просматривается с соседней высотки.

– А расстояние? – прогудел Рыбаков.

– Метров сто пятьдесят, двести. Ну что, пойдём, пообедаем? А в восемь вечера, я свожу вас на место.

Чуть позже они подкреплялись в гостиничном ресторане фирменным борщом с пампушками и котлетами по-киевски, хлопнув под них по паре рюмок «Немирова».

– Хорошая водка, – сказал Рыбаков.

– Потому как на меду и с перцем, у вас такой нету, – значительно изрек полковник. А хотите анекдот?

– Можно.

– Значит попадают два русских в украинскую компанию и гудят на полную катушку. И хохлы, поднимая стаканы, каждый раз говорят – ну, будьмо! Утром просыпаются, один русак спрашивает, – Вань, а кто такой Будьмо? Второй со стоном отвечает, – кто он такой, не знаю. Но пить за него больше не буду.

Анекдот понравился, все весело рассмеялись.

Затем Мартыненко уехал, а москвичи вернулись к себе в номер, где проспали до сумерек.

Ровно в назначенное время раздался стук в дверь, появился Мартыненко. Теперь одетый так же, как московские гости. Заперев номер, все трое спустились вниз, и, миновав холл, вышли из стеклянной двери. С темного неба сеялся мелкий снег, неярко горели фонари, проскрипели за угол соседнего дома, где стояла неприметная «семерка».

Уселись в салон, Мартыненко завел двигатель, тронулись и вскоре выехали на Крещатик. Автомобилей на нем было почти как в Москве на Тверской, катили в синих выхлопах, сплошным потоком. Вклинились, затем на третьем светофоре повернули влево и спустя десять минут были на месте.

Припарковались в темном переулке, за которым начинался жилой массив из новостроек. Одев прихваченные Мартыненко легкие оранжевые накидки с трафаретом «Киевлифт», вышли из машины.

– Он живет вон в той (показал полковник на одну), а мы пройдем, которая напротив.

Шагая друг за другом, направились по переходу через улицу к кирпичной высотке, вошли в подъезд со сломанным кодовым замком, а затем в один из лифтов, где он нажал кнопку. Первый, второй, третий... пятнадцатый, высветило табло, створки раздвинулись.

С лестничной площадки, куда выходили три квартиры, поднялись на технологический этаж, остановились перед крашеной охрой, металлической дверью. Вынув из кармана ключ, Мартыненко отпер замок, вошли в тускло освещенную лифтовую, а оттуда, по короткой лестнице, выбрались на крышу. Там гулял ледяной ветер. Сутулясь, прошли к фасадному парапету, присели у него на корточки.

– Четырнадцатый этаж, два крайних окна справа, – показал рукой Мартыненко. – Сейчас, как видите, темные, еще не приехали. Штор нет, легкая кисея, при включенном свете возможно наблюдение.

– Ну, как тебе? – наклонился к Рыбакову Орлов.

– Бывало и хуже, – шмыгнул тот носом.

– Кстати, зря мерзнуть вам не придется, – продолжил украинский коллега. – Завтра с утра пушу за объектом наружку*, как только вернется в нору, дам знать.

Тем же путем спустились обратно, прошли к «шестерке», сев в еще не остывший салон, сняли накидки, закурили.

- Чем будете валить? – спросил Мартыненко.
- «Винторезом», – глубоко затянулся Орлов.
- Серьезный ствол, я бы тоже его выбрал.

Когда подъехали к гостинице, остановившись за углом, он передал Орлову ключи от автомобиля с лифтовой, а к ним накидки.

– Машину оставите у метро «Контрактова площа», мы его проезжали. Ну, ни пуха вам, ни пера (пожал москвичам руки). Хлопнула дверь, и Мартыненко исчез в пелене начавшейся метели.

Вернувшись в номер, оперативники разделись и, вымыв руки, отправились в кафе на ужин. Там, съев по порции оливье с лангетом, запили их горячим кофе, а после вернулись к себе. Как только вошли, на журнальном столике затрещал телефон.

– Да, – снял Рыбаков трубку.

– Хэлло, – пропел в ней томный девичий голос. – Не желают ли господа развлечься? Оральный секс, strapon и многое другое.

– Рад бы (вздыхнул капитан). – Но у нас застарелый триппер.

– Хам! – обиделись на другом конце провода и отключились.

– Жрицы любви? – поинтересовался Орлов.

– Дополнительные услуги. Как во всех гостиницах.

На следующее утро они встали в семь, приняв холодный душ, побрились, а затем, позавтракав в кафе на этаже и купив свежие газеты, вернулись к себе в номер. Там, включив телевизор, Рыбаков устроился перед ним в кресле, а Орлов прилег на диван, где стал просматривать прессу.

Спустя час в дверь постучали, он, встал и, пройдя в холл, повернул ключ – за порогом стояла горничная.

– Разрешите у вас убраться?

– Спасибо, у нас чисто.

– Извините, – проследовала горничная дальше по коридору.

Время тянулось как резина, телефон зазвонил без четверти шестнадцать.

– Объект на месте, – сказал далекий голос, когда Орлов приложил к уху трубку.

– Добро, – опустив ее на место, взглянул на напарника. Тот понятиливо кивнул, начали собираться.

Через двадцать минут, они подъехали к нужному дому, вышли из машины и направились к подъезду. На плечах топорщились синие накидки, Рыбаков нес в руке кейс.

Как и в прошлый раз, им никто не встретился, вскоре оба были на крыше. Пригнувшись, скользнули к парапету, укрывшись за ним, осмотрелись. В высотке напротив светились десяток окон, в том числе на четырнадцатом этаже, два справа.

Пока Орлов, достав из кармана «аляски» небольшой бинокль, внимательно в них вглядывался, Рыбаков, открыв кейс, в несколько приемов собрал винтовку, установил на ней прицел и приник к окуляру.

– Движения не наблюдаю, командир, – сказал через минуту.

– Я тоже. Ждем, не расслабляйся.

Когда оба изрядно продрогли, за окном, что левее, мелькнула тень, а затем у второго возник силуэт мужчины.

– Он, – шевельнул губами Орлов.

– Работаю, – прошелестело в ответ, и будто сломалась ветка.

Объект, взмахнув руками, исчез, на стене за ним, растекалась клякса.

– Что и требовалось доказать, – сунул в карман бинокль полковник. – Уходим.

Спустя несколько минут оба вышли из подъезда, в руках у них ничего не было.

В девять утра следующего дня, Орлов докладывал курирующему заместителю результаты. Тот слушал, не перебивая, а когда офицер закончил, кивнул, – хорошая работа. Закрывайте разработку и завтра мне на утверждение.

Оставив генеральский кабинет, Орлов спустился в свой, отпер стальную дверцу сейфа и, достав оттуда пухлый том, отстучал на машинке нужные бумаги.

Глава 6. Однокашники

Понедельник выдался тяжелым. Как в той пословице.

До обеда оперативка у начальства, затем вербовка в Лефортовском СИЗО задержанного «братка», после – встреча с двумя агентами в разных концах Москвы, а за этим другие дела. Таких, к сожалению, не убывало. Когда в девять вечера, выжатый как лимон, Орлов собирался домой, на столе затрещал городской телефон.

– Да, – снял он трубку.

– Леша, привет, это Увалов, – возник в ней хрипловатый голос.

– Привет, Толя, рад слышать.

Увалов был однокашником Орлова и выпускался тремя годами раньше. Одно время оба служили вместе в Афганистане, потом встретились в Москве, где тот был старшим опером в Московском УКГБ, откуда с развалом Союза, как многие, ушел в отставку. Далее ударился в политику, посещая различные партийные тусовки, а заодно занялся бизнесом. Они периодически встречались в кругу прочих однокашников, по давней существовавшей в ЧК традиции.

В короткой беседе Увалов рассказал, что на него «наехали» люди Джуны, и он нуждается в помощи.

– Если можешь, приезжай, мне больше не к кому обратиться, – сказал в завершение приятель.

– А Саня с Жорой? – поинтересовался Орлов. – У них плечи много шире. (Названные были генералами – один служил на Лубянке, второй в президентской охране).

– Я им звонил, оба «ушли на крыло». Себе дороже.

– Хорошо, жди, скоро буду, – опустил Орлов трубку на рычаг.

– Твою мать (забарабанил пальцами по столу). Этого мне только не хватало.

Джуна Давиташвили были известной целительницей, астрологом и экстрасенсом, услугами которой пользовался Кремль, и весьма влиятельная дама.

Потом он снова потянулся к телефону и завертел диск.

– Филатов слушает, – ответили после длинных гудков на другом конце провода.

– Здорово, Валер, Орлов.

– Привет. Ты куда исчез? Звонил на днях, сказали в командировке.

– Отлучался ненадолго в одно место, слушай, тут такое дело. И далее передал разговор с Уваловым.

– М-да, – хмыкнул в трубку абонент. – Нашел с кем связываться.

– Давай проскочим к нему вместе, – предложил Орлов. – Очень уж у Толи голос похоронный.

– Транспорт есть?

– Я на своей машине.

Спустя пятнадцать минут, его белая «шестерка» катила по загазованной Тверской, в сплошном потоке автомобилей. На переднем сидении, рядом с Орловым, сидел худощавый смуглый человек в кожаном пальто, по фамилии Филатов. Он тоже был однокашником Алексея и его близким другом, но после нескольких лет службы был переведен в Генеральную прокуратуру. Являясь старшим прокурором одного из отделов, Филатов занимался борьбой с экономической преступностью и курировал центральный аппарат ФСНП* России.

В районе Нового Арбата автомобиль свернул налево, в один из переулков, зажатый между высотными домами и встал у прошлого века, шестиэтажного особняка с вычурными эркерами*. Наступила оттепель, с крыш капало, небо было низким и туманным.

Орлов выключил фары, оба вышли из машины и проследовали в крайний подъезд. По широкому пролету чугунной лестницы, поднялись на гранитную площадку второго этажа, куда выходили две высоких, обитых дерматином, двери.

Филатов нажал медную кнопку звонка на правой, внутри несколько раз звякнуло.

Через минуту одна створка отворилась, – за ней в махровом халате и шлепанцах, горбился Увалов.

– Проходите, ребята, – сказал он больным голосом и пошаркал в глубину квартиры. Сняв в прихожей верхнюю одежду, гости уселись в кресла, а хозяин, кривясь, прилег на тахту, рассказав следующее.

Джуна была одной из его приятельниц и жила в соседнем подъезде, имея там обширные апартаменты.

Вечером, когда отставник вернулся домой с очередной партийной встречи, по телефону пригласила его в гости. Мол, познакомлю с интересными людьми.

Ими оказались несколько атаманов с Дона (казачество входило в моду) заехавших выразить «Ассирийской царице» свое почтение. Стол ломился от цимлянского, и всяческих закусок, провозглашая очередной тост, сыны степей дружно орали, – любо!

Затем хозяйка на время отлучилась, а между гостями возник конфликт. Пришедший отказался пить за Ельцина, поскольку был непримиримый коммунист, старший из атаманов сгреб его за грудки, и завязалась драка. На шум поспешил охранник Джуны и, не разобравшись в обстановке, вырубил Увалова несколькими ударами.

– Очнулся я уже на улице, – продолжил Анатолий, – встал, кое – как добрел до своего подъезда, поднялся в квартиру и вызвал скорую. Фельдшер установил переломы двух ребер и предложил госпитализацию, я отказался. Бывало и хуже. Тот сделал укол, отметку в журнале и уехал, после чего я позвонил в милицию, она тут рядом.

Приехали капитан с сержантом, стали разбираться. Но когда узнали, что все случилось в квартире Джуны, заявление принять отказались. Мол, это бытовая ссора, сами разбирайтесь, в крайнем случае, обращайтесь в суд.

Когда же я стал настаивать, капитан сказал, – сбавь обороты папаша.. А то посадим в обезьянник. Это же беспредел, ребята, – тяжело закашлялся Увалов.

Орлов налил и протянул ему стакан воды из стоявшей рядом на тумбочке бутылки, Увалов, выпив, вернул и промокнул лоб влажным полотенцем.

Филатов с минуту молчал, принимая решение, а затем спросил, – где у тебя телефон, Толя?

– На кухне, на подоконнике.

Тот встал с кресла и вышел, прикрыв за собой дверь. Через несколько минут вернулся, снова сел – щас приедут.

Вскоре действительно нарисовались двое – заместитель начальника УВД Москвы – полковник, а с ним бледный майор, начальник отделения на Арбате. Они извинились за действия своих сотрудников, после чего майор лично принял заявление. Когда уехали, Филатов наклонился к Увалову, – может, Толя, мы все-таки мы отправим тебя в больницу?

– Нет, мне уже лучше, – бледно улыбнулся тот. – Спасибо, ребята, вы настоящие друзья.

– Обойдемся без высоких фраз, – хмыкнул Орлов.

– И поменьше общайся с политиками и астрологами, – добавил Филатов. Кстати, а где твои? Ни жены, ни сына?

– Жена на симпозиуме в Польше, а Олег на спортивных сборах.

Распрощавшись, оба покинули квартиру, спустились вниз по лестнице и вышли из подъезда. На дворе стояла ночь, фонари горели ярче, со стороны театра Вахтангова, доносилась песня

Ах, Арбат, мой Арбат, ты – моё призвание,
Ты – и радость моя, и моя беда...

под гитарные переборы, грустил уличный бард.

Глава 7. Ночное приключение

– Добрось меня до метро, – сказал Филатов, когда они сели в автомобиль, и Орлов завел двигатель.

– Сам довезу, – тронулся тот с места.

Вскоре они влились в изрядно поредевшую череду машин, кативших по мокрому асфальту, он прибавил скорость. За окнами поплыли высотные дома, сияние неоновых реклам и мигавшие глаза светофоров. Оба молчали, каждый думая о своем, подполковник изредка поглядывал в зеркало заднего вида. Когда оставив позади центр, выехали на Полянку, он взглянул туда очередной раз и сказал, – за нами хвост, Валера.

– Ты думаешь? – обернулся назад приятель.

– Уверен. Черный «Джип». Пристроился еще на Арбате и теперь следует, как привязанный.

– Это, наверное, пасут меня, – зевнул Филатов.

– Почему так мыслишь?

– К тому есть причины. Месяц назад, Генеральному пришло поручение из Администрации, за подписью Президента. Организовать проверку законности смены владельцев предприятий алюминиевой отрасли, и принять меры к возвращению их государству.

– Это тех, что в Сибири? Где отстреливают директоров?

– Ну да. Проверку поручили нашему управлению, меня назначили бригадиром, а в помощь дали оперативников из налоговой полиции и МВД. Стали работать и установили, за всем этим стоит британская компания «Транс Ворд Групп», имеющая представительство в Москве и ряд филиалов в России. Провели там обыски, в ходе которых изъяли документы, свидетельствующие о незаконности их деятельности. И тут начались странные вещи. Мой служебный телефон оказался на контроле*, а за собой я засек наружку.

– Ни хрена себе, – хмыкнул Орлов. И что начальство?

– Сказало, не обращай внимания, занимайся дальше. Они же чистые юристы, в оперативной работе ни в зуб ногой. Так что копаю дальше.

Они снова замолчали, под колесами гудел асфальт.

На очередном светофоре (зажегся красный) подполковник встал, внедорожник темнел через две машины сзади, а затем, выжав сцепление, резко рванул вперед.

– Что и следовало доказать, – сказал, быстро набирая скорость.

В Северное Чертаново, где жил Филатов, они въехали спустя полчаса, остановившись во дворе одной из высоток.

– Ну что, до следующей встречи? – обернулся к приятелю Орлов.

– Зачем откладывать? – улыбнулся тот. – Оставайся у меня, переночуешь, а утром вместе двинем на службу. Тем более я сейчас тоже холостяк, жена с дочкой у родителей в Ростове.

– А как у тебя насчет пожрать? – чуть подумал Орлов. – С обеда маковой росинки во рту не было.

– Найдем. Двигай за мной, без вопросов.

Оба вышли из машины (та мигнула фарами) и, миновав двор, исчезли в среднем подъезде. Тихо жужжа, один из лифтов поднял их на шестой этаж, на площадку которого выходили четыре двери. Достав ключи, Филатов отпер крайнюю справа, войдя первым, щелкнул выключателем. Квартира у него была двухкомнатная «распашонка», обставленная типовой мебелью, окна выходили во двор.

Пока Орлов, сняв дубленку и наплечную кобуру с пистолетом, фыркая, умывался в ванной, приятель, возился на кухне.

– Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста! – донеслось оттуда, когда утирался махровым полотенцем.

Вскоре, хлопнув по рюмке водки и закусив маринованными грибочками, оба с аппетитом уплетали политые сметаной пельмени. Когда налили по второй, во дворе закричала сигнализация.

– Это кажется, моя, – встав из-за стола, подошел к окну Орлов, Филатов, сделал то же самое. В рассеянном свете фонарей, рядом с белой «шестеркой», стоял уже знакомый им «джип», а рядом два бритоголовых амбала*.

– Получается, они знают твой адрес, – хмыкнул полковник. Нужно выйти и разобраться (направился в прихожую).

– А вот этого не надо, – остановил его хозяин. – Поступим проще. И, сняв трубку стоящего на полке телефона, набрал номер.

– Рома, привет, это Филатов. Направь к моему дому ОМОН. Во дворе, рядом с белой «шестеркой», стоит черный «джип». Всех, кто в нем, задержать и к вам. Я скоро буду.

Положив трубку, обернулся к приятелю. – Щас, их повяжут и доставят в отдел, он тут рядом. Затем, погасил свет, и оба стали глядеть в окно. Бритоголовые не успокоились. Один снова пнул «шестерку» ногой, та заголосила, а второй, помочился на колесо.

Ждать долго не пришлось. Вскоре со стороны параллельно идущей, темной улицы, во двор въехал микроавтобус, подвернул к «джипу», оттуда высыпала шестерка автоматчиков в темном камуфляже

– Лежать! – донеслось снаружи, и амбалы повалились под градом ударов. Из внедорожника вытащили еще одного, затолкали всех в «Газель» и та, развернувшись, скрылась во мраке.

– Неплохо, неплохо, – оценил Орлов. – Серьезные ребята.

– А теперь можно и разбираться, – направился в прихожую Филатов. – Жаль, отморозки, поужинать не дали.

Райотдел милиции, куда они приехали, находился в километре от дома, за замерзшим озером, рядом с Битцевским парком, в трехэтажном, отдельно стоящем здании. Предъявив сидевшему за стеклом дежурному удостоверение, поднялись на второй этаж, к начальнику.

Он оказался молодым подтянутым майором, встретил обоих радушно.

– Ты, Рома, наверное, и ночуешь на службе, – представив Орлова, пожал ему руку Филатов.

– Случается – кивнул майор, когда оба уселись за приставной стол. – У нас же все время усиление*.

– Так, а что с задержанными?

– Бандиты оказались, Валерий Иванович, – у одного при обыске нашли ствол, остальные с кастетами. И вот еще, ваше фото, – протянул, достав из папки.

– Точно мое, – взял его в руки Филатов. На снимке он был зафиксирован, выходящим из метро.

– У кого изъято? (повертев, сунул в карман).

– У того, что имел ствол. По документам он Юрий Быков, прописан и живет в Балашихе. Сейчас в допросной.

– Ну что же, в таком случае проводи нас, пообщаемся.

Выйдя из кабинета, они прошли длинным коридором, с рядом филенчатых дверей (за одной стучала машинка), спустились этажом ниже и, миновав дежурного, прошли в допросную. Это была мрачная, без окон комната, под потолком которой тускло светил плафон.

Там, в наручниках, под охраной двух оперативников, сидел на привинченном к полу стуле, один из бритоголовых. Был он изрядно помят и с подбитым глазом.

– Оставьте нас пока ребята, – сказал начальник, опера вышли, прикрыв глухую дверь.

– Ну, здравствуй Быков, – уселся за стол Филатов, остальные расположились на скамейке у стены.

– Здоровее видел, – пробурчал задержанный.

– Расскажи, откуда у тебя эта фотография, и для чего вы следили за нашей машиной (показал снимок).

– Да пошел ты, – харкнул задержанный на пол.

Начальник ГОВД не спеша встал, сделал к нему пару шагов и врезал кулаком в ухо. Бряток, хрюкнув, рухнул на бетонный пол. Уцепил за ворот, снова усадил, наклонился.

– Ты с кем так говоришь, мразь? Перед тобой работник Генпрокуратуры. А вы хотели его завалить. Тут пожизненным пахнет!

– Какой еще работник?! Какое завалить?! выпучил малый глаза. – Нам сказали, это коммерс. Только попутать.

– Кто сказал! Быстро! – подался вперед Филатов.

– Альфонс, – пробурчал задержанный. – У него точка на Ленинградке.

– Что за точка?

– Типа ночной салон, с игровыми автоматами и проститутками. Зовется «Пальмира».

– Ну и?

– Заехали мы вчера туда, покувыркаться, а Альфонс и говорит, хотите по легкому срубить штуку баксов? Можно, отвечаем. Чего делать? Ну, он дает эту самую фотку, мол, запасти* коммерса и попутать в темном месте. Он вроде ему сильно задолжал и не платит.

– А ты понятливый, – похлопал майор по бритой голове. – Ладно, не будем вам лепить эту статью. Ответите только за оружие.

– Как скажешь, начальник, – осклабился бандит. – Уже легче.

– Ну что, Роман Степанович? – встал из-за стола Филатов. – В принципе все ясно. Работайте с ними дальше.

Все оставили допросную, а туда вошли опера, стоявшие в коридоре. Когда поднялись в кабинет начальника, тот поинтересовался. – Так что им вменять, покушение на убийство?

– Только незаконное ношение оружия. Остальное доказать сложно.

– И вот еще, майор, – взглянул на начальника Орлов. – Своих ребят в «Пальмиру» не направляй. Заказчиком займется моя контора.

– Понял, – кивнул начальник. Гости крепко пожали ему руки, и вышли из кабинета. Вскоре они снова сидели в квартире Филатова, завершая ужин.

– А начальник вашего райотдела молодец, – утер салфеткой губы Орлов. – Быстро запрягает и быстро ездит.

– Это да, – согласился Филатов. – Знаю его еще старшим лейтенантом. Слушай, а может тебе не стоит ввязываться?

– Стоит. Иначе тебя так просто не оставят. Будут результаты, дам знать.

– Ну, хорошо, – согласился Филатов и, убрав со стола, отправились спать. Утром встали под звуки метронома из радиоточки. Приняв холодный душ в ванной, побрились, выпили по чашке крепкого кофе с бутербродами и отправились на службу.

Глава 8. Не все коту масленица

Прошла неделя. На столицу опускались сумерки.

По Ленинградскому проспекту, опушенному заиндевевшими деревьями и с дворниками на тротуарах, убиравшими снег, в крайнем правом ряду уверенно рассекал морозный воздух серебристый «бентли». За его рулем вальяжно сидел средних лет человек, в расстегнутой куртке на меху и попыхивал сигарой.

Он был майором английской разведки МИ-6, по фамилии Остин Келли. Уже третий год Келли работал под прикрытием в Московском филиале «Транс-Ворд-Групп, занимавшейся «отжимом» российских алюминиевых предприятий Сибири и Урала в пользу Туманного Альбиона*. Являясь одним из топ-менеджеров компании, организовывал через посредников подкуп нужных чиновников в правительстве, а также заказные убийства неговорчивых собственников и директоров.

Эту страну немного знал, поскольку уже работал здесь в начале восьмидесятых, помощником военного атташе. Но тогда было совсем иное время, она была второй в мире супердержавой, именуемой Советский Союз, с мощной экономикой, армией и КГБ, что, спустя девять месяцев, Келли ощутил на своей шкуре. При одной из тайниковой операции* его задержали с поличным и неизбежно бы посадили. Спас дипломатический иммунитет.

Теперь же все было иначе. Подтачиваемая снаружи и изнутри, коммунистическая империя развалилась, а возникшая на ее месте федерация, была слабой и сговорчивой.

Ее вечно пьяный Президент – друг Клинтона и почитатель Маргрет Тэтчер, любил мочиться в загранпоездках на колеса своего авиалайнера, ходить по Вашингтону в трусах и дирижировать зарубежными оркестрами. Экономика была в разрухе, армия сокращалась, правоохранительные структуры владели жалкое существование. Но оставались самые богатые в мире природные ресурсы, от которых Англия желала урвать вою часть.

Келли ехал на встречу с содержателем ночного клуба, принадлежавшего измайловской ОПГ. Та давно сотрудничали с «Транс – Ворд – Групп», выполняя за вознаграждение криминальные заказы. Вот и теперь, содержатель, по кличке Альфонс, должен был сообщить о ходе исполнении очередного.

Требовалось устранить не в меру рьяного прокурора, осуществившего обыски в центральном офисе компании и изъявшего весьма важные документы, а заодно развлечься. Келли любил русских женщин, выгодно отличавшихся от англичанок красотой и сексуальностью.

У стадиона «Динамо» он повернул направо, миновал Военно-воздушную академию Жуковского и вскоре припарковал авто на стоянке у одного из зданий. Это был прошлого века двухэтажный особняк, с мигающей вывеской «Ночной клуб Пальмира» на вычурном фасаде.

Выйдя из машины, англичанин захлопнул дверь, нажал кнопку на брелоке с ключом (та мигнула фарами) и направился к ярко освещенной двери.

За ней стоял борцовского вида швейцар с крепким загривком, Келли сунул ему в руки банкноту и, не снимая куртки, прошел, минуя раздевалку, в обширный зал с игровыми автоматами, у которых роились желавшие попытать счастья. Затем во второй, с барной в полумраке стойкой, светомызкой, волнами табачного дыма и вихлявшимися парами, а оттуда, что-то сказав охраннику, поднялся на второй этаж.

Там, в стильно обставленном кабинете, за полированным столом, его уже ждал Альфонс. Это был человек без возраста, ему можно было дать как тридцать, так и пятьдесят лет, с лысой, как бильярдный шар головой и скользким взглядом.

– Виски, джин, коньяк? – осклабил золотые коронки при виде гостя.

– Коньяк, – не снимая куртки, по хозяйски уселся в одно из кресел майор.

Альфонс щелкнул клавишей пульта сбоку, дверь открылась, и вошел официант, поставив перед ним поднос с бутылкой «Мартеля» и хрустальной рюмкой. Вынув пробку, наполнил ее, бесшумно удалился.

– Как мое поручение? – поболтав, высосал рюмку гость и налил еще.

– Этого человека больше нет, – бесцветно сказал Альфонс.

– Поясните.

– Он отправился в иной мир.

– Хорошо, – кивнул Кейли, вынул из кармана бумажник и, отсчитав десяток купюр, передал собеседнику. Доказательств не требовал, «измайловские» всегда делали свою работу без осечек.

– А теперь мне нужна хорошая герл, – забросил ногу на ногу.

– Есть такая, – снова обернулся к пульту Альфонс, через несколько минут в кабинете появилась девушка в вечернем платье, лет двадцати, похожая на голливудскую актрису Шарон Стоун.

Скользнув по ней похотливым взглядом, англичанин кивнул, – ол райт. Несколько позже он предавался с «Шарон» любовным утехам, в шикарном, оформленном в стиле ампир, номере и остался весьма довольным.

– Это тебе, – сунул на прощание зеленую купюру в десять долларов. Герл сделала книксен* и, выходя, прошептала, – козел драный.

Приняв душ, Келли оделся, спустился вниз, и тем же путем вышел из клуба. На дворе была ночь, в небе висела желтая луна, со стороны Петровского парка наносило запах хвои. Усевшись в остывший автомобиль, запустил двигатель на прогрев и включил магнитолау

Атас, веселей рабочий класс,
Атас, танцуйте мальчики, любите девочек,
Атас, пускай запомнят нынче нас,
Малина ягода, атас!

завопила известная рок-группа и в следующий миг Келли получил сокрушительный удар по затылку. Из глаз посыпались искры, все померкло.

Очнулся в мрачном бетонном помещении, сидящим на стуле, с наручниками на запястьях. Его тускло освещал на низком потолке единственный, забранный ржавой сеткой плафон, по углам был мрак.

– Ну, вот и встретились, – выступил оттуда человек с капюшоном на голове. – Ты зачем заказал нашего друга?

– Какого друга? Я не заказывал, – покрылся майор холодным потом.

– Не темни, нам все известно.

– Я иностранный гражданин, это какое-то недоразумение! – повысил голос до визга Келли.

– Говори, иначе уьем, – щелкнул зажигалкой человек, прикуривая, сигарету. Язычок пламени осветил упрямый подбородок и крутые скулы. В углу шевельнулись тени.

Келли понял, что убьют, русские всегда делают, если обещают. И впервые пожалел, что вернулся сюда. Варварская страна, варварские нравы. После чего рассказал все, в том числе о службе в разведке. Незнакомец стал задавать вопросы, касающиеся деятельности «Транс-Ворд-Групп», разговор длился примерно час. Закончив, Келли попросил его отпустить, гарантируя вознаграждение.

– Хорошо – последовал ответ. – Денег не надо, мы тебя отпустим.

Из темноты возникли еще двое, сняв с майора наручники, и заклеив скотчем рот, взяли подмышки. В ней раздался скрип, подвели к открывшейся плите двери с клинкетным запором*, у которой стоял еще один.

Вышли наружу, под чернильное небо, спустились по гранитным ступеням меж таких же стен, к низкому парапету. За ним катила мутные воды река, на другом берегу желтел иллюми-

наторами пришвартованный к набережной дебаркадер и угрюмо высились развалины промзоны.

– Плавать умеешь? – спросил человек в капюшоне.

– Могу, – закивал майор, ничего не понимая.

– Ну, тогда вперед, к свободе.

В тот же миг, державшие англичанина, уцепили его за ноги и с размаху швырнули в реку. Келли скрылся под водой, вынырнул и зачастил вразмашку к фарватеру. Потом махи стали реже, снова скрылся и исчез. Словно не было.

– М-да, – сказал один из стоявших у парапета. – Хилые у них разведчики.

На следующее утро, Орлов позвонил со службы Филатову.

– Давай встретимся в двенадцать, у памятника Долгорукову, нужно пообщаться.

– Нет вопросов, – ответил тот. – Заодно подышим воздухом, погода благоприятствует.

День выдался солнечным, с крыш звонко рушились сосульки, чувствовалось приближение весны.

Когда в назначенное время Филатов подошел к памятнику основателю Москвы, Орлов, задрав голову, с интересом разглядывал сзади жеребца князя.

– Почему с такого ракурса? – пожал другу руку.

– Да понимаешь, – ответил тот, – непорядок, и ткнул пальцем под круп скульптуры.

– Вроде все нормально, – пожал плечами Филатов. – Даже яйца на месте.

– На месте, а не блестят.

– А что, должны блестеть? – вскинул брови приятель.

– Непременно. Был я в прошлом году в Питере, так там, у памятника Петра, с этим делом все нормально.

– Неужели блестят?

– Ну да. Его коню, нахимовцы, каждый выпуск дряют.

– Иды ты!

– Сам иди. И оба рассмеялись.

– Так, ладно, – это все лирика, – огляделся по сторонам Орлов. – Давай пройдем к Ильичу, там поговорим серьезно.

От памятника они направились назад, к фонтану, отключенному на зиму, спустились на несколько ступеней вниз и оказались в небольшом сквере, окаймленном старыми липами. В центре на высоком гранитном пьедестале, сидел грустный Ленин, в подтаявшей лужице чирикали воробьи, а на одной из скамеек несколько бомжей распивали водку.

Миновав их, друзья уселись на дальнюю, закурили, и Орлов, помолчав, сказал, – мы нашли твоего заказчика, Валера. Он из МИ-6.

– Ни хрена себе, – поперхнулся Филатов дымом. – Чем дальше в лес, тем толще партизаны.

– Само собой, – хмыкнул Орлов, – вот послушай. И вынув из кармана диктофон, вручил приятелю. Тот взял и щелкнул кнопкой.

Сначала раздалось легкое шипение, а потом голос Филатова. «Ну, вот и встретились. Ты зачем заказал нашего друга?»

«Какого друга? Я не заказывал» ответил второй, с легким акцентом и дрожащий.

«Не темни, нам все известно». И далее аппарат выдал весь разговор, до обещания отпустить, после чего отключился.

– М-да, весьма ценная информация, я твой должник, – взглянул на приятеля Филатов.

– Ну, так забери пленку и используй что надо, только потом сотри. Сам понимаешь.

– Понимаю, – извлек тот кассету, вернул диктофон, а затем спросил, – насколько понял, вы его после отпустили?

– Естественно (сделал честные глаза Орлов) тебе он больше не опасен, пускай гуляет.

Они немного помолчали, нежась в солнечных лучах, воздух явно прогрелся
– Послушай, Леш, – взглянул Филатов на наручные часы. – Уже почти час, давай вместе пообедаем.

– Давай. А куда направимся?

– В кафе, на Художественный проезд, помнишь такое?

– Еще бы. Оно разве сохранилось?

– Да, я туда иногда захожу, тем более что со службой рядом.

– Ностальгируешь?

– Бывает, – вздохнул Филатов.

Это заведение они знали еще со времен учебы в ВКШ, и в дни получения стипендии часто навещали. Поесть вкусных душистых пельменей и выпить по рюмке водки.

Кафе точно сохранилось и работало. Как в прежние времена, даже интерьер не изменился. Посетителей было немного. Заказали по салату «оливье», двойной порции исходящих паром пельменей и графинчик водки.

– Ну что? За успех нашего безнадёжного дела? – разлил ее по граненым стаканам, поднял свой Орлов.

– Именно, – звякнул в него Филатов.

Пообедав, расплатились и, выйдя в проезд, закурили.

– Давно был в театре? – кивнул Филатов на тумбу с афишей, извещавшей об очередной постановке «Гамлета».

– Уже и не помню когда, – швырнул в урну сигарету Орлов. – Дичаю понемногу.

Затем попрощавшись, они разошлись. До новой встречи.

Глава 9. Сходка

Ласковое майское солнце висело в зените, согревая настывшую за зиму столицу и окружающие ее леса. Над зеленеющими меж них полями зеленели озимые, из дальних стран, к югу, тянул журавлиный клин.

– Что-то они поздновато, – задрал вверх голову, сказал похожий на шкаф парень в кожаном реглане и с перебитым носом.

– Какая тебе разница, Зверь, – лениво чавкая жвачку, ответил второй, в таком же и золотой цепью с крестом на шее. – Вечно интересуешься разной мудотой.

– Да пошел ты, – опустил тот взгляд и, вынув из кармана пачку сигарет, щелкнул зажигалкой. Оба стояли рядом с черным «Гелендвагеном», справа и слева от которого блестели столь же престижные иномарки. У них тоже переминались с ноги на ногу крепкие, спортивного вида парни, дымя сигаретами и перебрасываясь словами.

Позади автомобилей, за вымощенной гранитом площадкой, высилось здание помпезного ресторана, чем-то похожее на небольшой замок, с пустыми столиками и опущенными зонтиками, летнего кафе рядом. Все это окружал негустой сосновый бор, пронизанный солнечными лучами, пахло хвоей.

– Гляди, Матяш, – отщелкнул Зверь в сторону окурков, – сам Костя Могила пожаловал. Чувствую, серьезный сходняк, век воли не видать. Слушай, а ты б хотел быть законником*? (покоился на приятеля).

– Не, – выплюнул тот жвачку. – По мне лучше беспредел, у них заморочек много.

Из остановившегося на площадке шестисотого мерседеса с мигалкой, вышел охранник, открыл заднюю дверь и оттуда выбрался рослый, крепкого сложения человек. В костюме от Версаччи, ярком галстуке и лакированных туфлях. Что-то сказав охраннику с низким лбом, пошагал к входу.

Тот сел в машину и, развернувшись, она стала в ряду других.

На первом этаже ресторана с неработающим баром и картинами русских пейзажистов на стенах, гостя встретил метрдотель в накрахмаленной рубашке с бабочкой, угодливо согнулся и сопроводил по мраморной лестнице на второй этаж.

Там, за закрытыми дверями, у которых бдила охрана, в просторном, с зеркальными окнами зале, за длинным, покрытой белой скатертью столом, сидели на мягких стульях два десятка человек. Все были разного возраста, но имели солидный вид: в добротной одежде, с «ролексами» и «омегами» на запястьях, у многих на пальцах блестели перстни с печатками. Одни тихо переговаривались, другие курили или потягивали минералку из бокалов. С появлением новой персоны разговоры прекратились, а он, приобняв, сидевшего справа Деда Хасана, уселся во главе стола.

– Привет честной братве, – обвел присутствующих глазами.

– Здорово... привет... и тебя не хворать, – послышалось в разнобой. Из всех собравшихся в зале, Могила был одним из самых уважаемых.

Родился он в середине пятидесятых в городе на Неве, в семье питерских интеллигентов, увлекался вольной борьбой, став кандидатом в мастера спорта. После школы закончил физико – математический техникум, и отслужил армию в спортроде.

Когда рухнул Союз, сколотив преступную группу, начал заниматься рэкетом, и познакомился с основателем бандитского Петербурга Кудряшом, став его правой рукой. После ряда разборок и войн, они подмяли город под себя, Могила назначили «смотрящим». Вскоре он превратился в успешного бизнесмена, организовав целый ряд коммерческих предприятий, в том числе в «Златоглавой».

Наиболее авторитетные – Сильвестр, Отарик Глобус и другие, к тому времени безвременно почили, и он поднялся на воровской Олимп.

– Давай, начинать, – перебирая янтарные четки в руках, негромко сказал Дед Хасан.

Могила попросил внимания (разговоры стихли) а после сообщил, что нужно обсудить назревшие вопросы.

– Таких в наличии три, – поднял три пальца. – Прекращение разборок, общак и коронавание очередного вора. Имеются другие предложения? Таких не последовало.

– В таком разе, переходим к первому (продолжил). На прошлой сходке, четыре года назад, мы вроде решили этот вопрос, но ничего не поменялось. Братва по прежнему воюет меж собой, ряды редеют, уходят лучшие из нас. В чем дело?

– Земли на всех не хватает, – пробасил кто-то с середины стола.

– Ее как раз хватает, – покосился в ту сторону Дед Хасан. – И того, что на ней имеется для нас. Решение сходняка – закон. Его уважать надо.

– Вот-вот, – поддержал его сидевший напротив, средних лет подмосковный вор, с погонялом Колючий. А кто не уважает, – поставить на нож. Чтоб было неповадно.

– Ты, что ли, ставить будешь? – хмыкнул низколобый, со шрамом на щеке, крепыш, сидевший посередине.

– А хоть бы и я, – сузил глаза Колючий, – если сходняк прикажет.

– Кишка у тебя тонка, – оскалился низколобый.

– Не залупайся, Басмач! – обернулся к нему седой авторитет с морщинистым лицом. – Не на базаре.

Завязалось обсуждение, длившееся почти час, по которому приняли решение: разборки прекратить, а кто будет уличен в нападениях на своих, лишать жизни. Перешли ко второму вопросу. Он был особым.

Воровской общак существовал с давних пор и изначально служил для оказания помощи (подогрева) тем из них, кто оказался в местах лишения свободы. Менялся мир, менялся криминал, а вместе с этим назначение тайной кассы.

Теперь, помимо изначального, общак использовался для подкупа чиновников, правоохранителей и судей, закупки оружия и иных, подобного рода, целей, становясь финансовой основой воспроизводства криминала. Как в старые времена, он имелся в нескольких регионах страны, в тайных, особо охраняемых местах, под бдительным надзором, специально назначенных смотрящих, в деньгах, золоте и бриллиантах.

Настали новые, «железный занавес» упал, преступность становилась интернациональной. Скрываясь от правоохранителей, российские бандиты нередко уезжали за рубеж или отправлялись туда на отдых, где вступали в контакты с местными. И от них узнали, что там общак не лежит мертвым грузом, а давно помещен в банки, где приносит изрядные проценты.

Молодые и белее продвинутые решили перенять этот опыт, и рубить бабки не отходя от кассы, но старшие воспротивились. Мол, банк может лопнуть, а его хранилища обысканы ментами и, как говорят, «гуляй Вася». Свои же тайные места, более надежные.

Вот и встал на сходке этот вопрос.

Первым, по нему высказался седой, осадивший Басмача, – смотритель общака европейской части страны, от Москвы до Урала. Кличку он имел Грач и был вором старой закалки. От активных дел отошел, но имел безупречную репутацию, почему и занимался столь важным делом.

– Все это лабуды, – сказал он, блеснув золотой фиксой*. – Наплевать и забыть. Так берегли общак наши деды, так должны и мы. А заморская шелупонь не указ, когда они еще по деревьям скакали, на Руси уже был Соловей-разбойник.

– Га-га-га! – загоготали сразу несколько авторитетов.

– Не скажи, – подождав, когда стихнет смех, – заявил, сидевший напротив, лет тридцати, законник Дока. Наше бабло лежит абы как, а ихнее работает.

– С работы кони дохнут, Юрок, – склонился вперед Грач. – Так что, лучше не баклань и слушай старших.

Разгорелись жаркие дебаты. Одна часть сходки была за опыт зарубежных коллег, вторая против. В итоге приняли решение: общак ни в какой бизнес не вкладывать, все оставить по старому.

Осталось рассмотреть последний вопрос, для чего охрана впустила в зал нового человека. Это был угрюмого вида жилистый парень с квадратным подбородком.

– Присаживайся, Боксер, – указал рукой Дед Хасан, на поставленный перед сходкой стул. Тот пружинистым шагом прошел в центр, уселся и уставился в пространство.

– Кто рекомендует? – обратился к вору Могила.

– Я, – приподнял руку, один, по кличке Кумпол.

– Рассказывай.

– Боксер правильный вор, чтит наш закон и имеет две ходки. Его братва исправно платит в общак, так что достоин короноваться.

– Вторая рекомендация? – поинтересовался один из сидевших за столом законников.

– Из последней зоны, где Боксер тянул срок, пришла малява* от Луки, – неторопливо сказал Колочий. – Вел там себя достойно, в актив не входил, был в отрицалове*.

– Может у кого есть предьявы? – оглядел сходку Могила. Их не оказалось. Тогда самый старый из воров – Грач, торжественно объявил Боксера коронованным и дал наказ чтить воровской закон. На что, встав, тот ответил клятвой.

– Хиляй к нам, – сделал радушный жест дед Хасан, и Боксер переместился туда вместе со стулом.

– Ну что? – откинулся на спинку своего Могила. – Толковище окончено, прошу участников подкрепиться, чем Бог послал.

Все встали и, соблюдая очередность, вышли из зала, направившись по мягкому паласу коридора на открытую веранду. Она тянулась вдоль тыльной части ресторана, с видом на сосновый бор, в котором звонко рассыпал дробь дятел.

– Ну, прям, как у Репина, «Утро в лесу», – сказал кто-то из авторитетов.

– Какого Репина? Шишкина, тундра, – поправил второй. Слышавшие рассмеялись, а потом все расселись за накрытые столы (каждый на четверых), с холодными закусками и бодрящими напитками. Для начала помянули безвременно усопших, затем выпили за присутствующих, а когда официанты разнесли горячее, возникли разговоры по интересам. Одни вспоминали былые дела и корешей, тянувших срок в зонах, другие бардак в стране, который всем был на руку.

Когда блюда переменяли, к столику, за которым сидели Могила с Дедом Хасаном, Грач и еще один законник, подошел человек из охраны, наклонившись, что-то сообщил. Те благосклонно кивнули, страж удалился, а спустя пару минут, на веранде возникли рослый, полный человек, в светлом костюме и очках, в сопровождении еще нескольких, встреченный одобрительным гулом.

– Мир вашему дому, – приложил он к груди руку, группа поднялась на невысокую эстраду. Там, на штанге, висел микрофон, блестели синтезатор с гитарами и ударная установка. Сопровождавшие, взяв инструменты, заняли свои места, а рослый выдернул из держателя микрофон. Потом в воздухе возник негромкий, со звуками флейты проигрыш, а за ним неспешный речитатив

Весна опять пришла и лучики тепла,
Доверчиво глядят в мое окно,
Опять защежит грудь и в душу влезет грусть,
По памяти пойдет со мной

глубоким баритоном, почти проговаривал исполнитель слова песни. Далее последовал столь же задушевный куплет, а после взрывной, набирающий силу припев

Владимирский централ – ветер северный
Этапом из Твери – зла немеренно
Лежит на сердце тяжкий груз.
Владимирский централ – ветер северный
Когда я банковал – жизнь разменена
Но не «очко» обычно губит
А к одиннадцати туз!

Сидевшие за столами внимательно слушали (у нескольких повлажнели глаза), а один, набулькав полный фужер водки, залпом выпил. Когда песня закончилась, и стихли последние аккорды, на веранде возникла тишина, сменившаяся бурными аплодисментами. Сидевшие там люди, для которых чужая и своя жизнь была всего лишь мигом, тоже имели чувства.

Несколько часов спустя, когда шар солнца клонился к горизонту, по кольцевой дороге, в пока еще оживленном потоке автомобилей, мчались «братковские» иномарки. На ее ответвлениях отдельные, дав прощальный сигнал, сворачивали, направляясь в свои районы столицы.

Глава 10. В местах не столь отдаленных

На следующий день, Орлов с Гуляевым и Левитин, сидели на Лубянке в одном из кабинетов ОТО*, просматривая оперативную съемку.

– М-да, – одобрительно сказал Левитин, – ваша техника будь здоров, отличная картинка. На экране компьютера, за пультом которого сидел бином (так опера звали меж собой, сотрудников технической разведки), демонстрировалась, залитая солнцем веранда со всеми участниками сходки. Не было только звука.

– Жаль не получилось установить «жучка», – покосился Гуляев на спеца. – Тогда бы было еще лучше.

– Хорошо успели камеру повесить на сосне, – буркнул тот. – Вы бы еще позже озадачили.

– Будет вам, – цыкнул на коллег Орлов, все стали смотреть дальше.

– Ну, как тебе Сергей Николаевич? – повернулся к Левитину, когда запись кончилась, и капитан щелкнул кнопкой остановки.

– Практически все, кто там был, нам известны, – ответил тот. – Авторитеты из Москвы и области. Но чтобы точно сказать, нужно проверить по картотеке.

– Сережа, лица распечатать можешь? – спросил полковник у бинома. Тот молча кивнул.

– Ну, тогда занеси мне, как будут готовы.

Оперативники встали, вышли из технического отдела и направились в другое крыло здания.

– А зря Круг общается с этой братией, – сказал по пути Гуляев.

– Это да, – согласился Левитин. – Для него это плохо кончится.

Спустя час, когда обсуждали у Орлова текущие планы, появился «отошник»* с папкой в руках, – готово. Положил на стол начальника и вышел.

– Держи, – вручил ее тот Левитину. – Как только все проверишь, отзвонись.

Закончив обсуждение они расстались, майор уехал к себе в МУР, где, вызвав оперативника из своей группы, вручил папку, и поставил задачу.

– Понял, – ответил тот. – Разрешите выполнять?

– Действуй.

Когда поздно вечером, получив нахлобучку от начальства за задержку одного из месячных отчетов, он, листая учетные дела, заполнял «форму»*, в кабинет зашел вернувшийся из картотеки сотрудник.

– Как успехи? – поднял глаза Левитин.

– Есть все, кроме этого, – извлек опер из папки и протянул довольно четкий снимок. На нем, вполоборота, сидел пожилой человек, чем-то похожий на советского актера Гафта.

– Внимательно смотрел?

– Ну да. Вместе с двумя картотетчиками.

– Хорошо, оставь папку и иди, отдыхай, – отпустил его начальник.

На следующее утро министерский факс отстучал ориентировку с фотографией на места, для проведения установки*, а Левитин позвонил Орлову.

– Так, хорошо, будем ждать, – сказал тот. – Больше ничего не остается.

А спустя неделю, из МВД Бурятии пришел ответ. Там сообщалось, что человек на фото, вор в законе «Грач», 1929 года рождения, уроженец Ленинграда. Он же Кормаков Иван Аксенович, Лелека Николай и Семенов. Убит в январе девяносто четвертого в ИТК- 1 города Гусиноозерска.

– Вот тебе и раз, – озадачился Орлов, когда Левитин заехав к нему, ознакомил с содержанием. Тогда кто же был на сходке?

– С этим нужно разбираться, – ответил майор. – Выезжать на место.

– Непременно, – забарабанил пальцами по столу подполковник. – Кто поедет?

– Я. Там надо действовать аккуратно. В зонах теперь много непоняток.

– Тогда дам тебе в помощь Гуляева (снял трубку внутреннего телефона) Олег, зайди.

Когда через пару минут появился заместитель, – дал прочесть факс и сказал, – выезжаешь в Бурятию вместе с Сергеем Николаевичем.

– Хорошо, – вернул тот бумагу.

Через сутки, на утренней заре, сине-белый «Боинг» из Москвы, совершил посадку в аэропорту Улан-Удэ. Левитин с Гуляевым, одетые в ветровки и спортивными сумками на плечах, в числе других пассажиров сошли с трапа, направились в здание аэровокзала, а там в комнату над которым светило табло «милиция». Их встретил уже ожидавший старший лейтенант в фуражке и форменном плаще, вместе с которым москвичи прошли к белой «двадцать четверке» на стоянке.

Положив сумки в багажник, сели, хлопнули дверцы. Заурчал двигатель, «Волга» вырвали на трассу. Миновав окраину, застроенную деревянными домами, над крышами которых поднимались белесые дымки, въехали в пустынный, с редкими прохожими центр и вскоре остановились у высотки гостиницы, где москвичам были забронированы два одноместных номера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.